

...Театр в этот утренний час непривычно тих, пуст, он как будто замер перед очередной зрительской атакой. Неужели вот на этой пустой, затянутой черной материей сцене еще совсем недавно, вчера вечером, происходило нечто... Действо шумное, озорное, радующее выдумкой и театральной броскостью, заставляющее восторгаться, сомневаться, не принижать... Так и подмывает спросить об этом спектакле — «Необычные приключения на волжском пароходе». Нет, не с этого вопроса должно начинаться интервью, берущееся накануне праздника кино у человека, снявшего более чем в сорока фильмах...

— Роман Борисович, чем для вас является кинематограф? Какую роль он играет в вашей жизни?

— Большую, конечно же. Это значительная часть моего дела, моей профессии. Кино дает артисту очень много: оно его обогащает, раскрепощает. В театре мы как бы варимся в своем соку: я уже знаю хорошо и своих партнеров, и режиссера, сцену — я в своей семье. В кино же тебя окружают зачастую новые люди, с которыми приходится после первого рукопожатия сразу вступать в очень тесный творческий контакт, знакомиться с разными режиссерскими и актерскими школами. Кино я люблю и за то, что у него — огромная география, ведь съемочные группы забираются в самые отдаленные уголки страны. Но кино, на мой взгляд, имеет и очень существенный минус — там я работаю без зрителя, без его непосредственного внимания. В театре я играю и тут же получаю живой отклик из зала. Пресловутая четвертая стена существует, главное происходит на самой сцене, но не чувствовать, чем «дышит» зал, я не могу. В кино этого нет. Там камера, техника, побочные шумы, каждый занимается на съемочной площадке своим делом, а я в это время должен играть. Потом мне кажется, что некоторые «чистые» киноартисты, не имеющие своего театра, порой теряют форму, «вянут», так как у них нет ежедневной работы — спектаклей, репетиций. Вспомните, не раз бывало, что интересно заявившие о себе киноактеры через несколько лет бесследно исчезали. Непросто бывает выдержать экзамен на популярность, которая сваливается как снежный ком. Два-три удачных фильма — и тебе уже улыбаются на улице, оглядываются вслед, просят автографы.

В театре же можно проработать всю жизнь, быть просто замечательным актером, а знать тебя будет сравнительно небольшой круг театралов. И это, наверное, несправедливо... Кинематограф находится в определенном долгу перед театральным актером. Судите сами: у нас в стране около 600 театров, и в каждом из них работает по 50—60 артистов. Умножив одно число на другое, мы получим круглую цифру. А сколько у нас действительно популярных артистов кино? Несколько десятков. Что же, все остальные «ниже» сорта, что ли? Отнюдь. Многие блистательные актеры просто не попадают на экран. Режиссер в поисках того или иного исполнителя полагается на ассистента, тот — на картотеки, в которых числятся уже известные люди, снимаются в основном те, кто «рядом» со студией, и т. д. и т. п.

— Ну, вам, то не приходится жаловаться на невнимательность со стороны кинорежиссеров. Роли в таких фильмах, как «Блокада», «Цемент», «Строгая мужская жизнь», «Роман о влюбленных», «Сибирячка» и других, принесли вам широкую известность, зрительское признание...

— Вам, видимо, моя актерская карьера вообще представляется этаким примером благополучия. Мол, в 40 лет —

народный артист... Это не так. К примеру, первые годы после окончания института я немножко снимался в кино, а в театре играть мне просто ничего не давали. Режиссер говорил: да, голос есть, рост есть, фактура, а чего-то не то... Прошло пять лет, прежде чем мне доверили главную роль в спектакле «Звезды для лейтенанта», и режиссер перед генеральной репетицией сказал: «Смотри-те-ка, у нас в театре актер появился...». Нашему брату

сто. Наша работа настолько связана с психофизическим аппаратом, что любая мелочь, будь то неосторожно брошенное слово или несправедливый упрек, может просто убить. Актер — существо легко ранимое, и исключений здесь, наверное, просто не бывает.

— Роман Борисович, как вы думаете, в каких ролях вы наиболее полно реализовали себя, какие из них вам особенно дороги?

— Я не могу сказать, что

тереться» друг к другу, и до сих пор в этой работе передо мной стоят нерешенные вопросы.

— А когда сценическая роль удается, как вы это ощущаете? Когда приходит уверенность, что вот оно, случилось?

— Никогда. Не улыбайтесь, я не кривлю душой. Каждый спектакль ты ставишь перед собой новую задачу, пусть самую маленькую, но новую, и кто может поручиться, что ты с ней обязательно спра-

раздражает, когда представители нашей профессии идеализируют, считают, что они какие-то высшие существа. А мы просто люди...

— Сейчас часто говорят об актерском профессионализме, и вы коснулись некоторых существенных его сторон. А как быть с вдохновением? Ведь ни техническое мастерство, ни воля не определяют, видимо, ту подлинность чувств, которая так ценится зрителем?

— Истинный профессионализм не может не подразумевать вдохновение. Человек, не способный по большому счету увлечься, зажаться, просто не может существовать в нашей профессии. Другое дело, вдохновение может быть разным — гениальным, талантливым, интересным — но без него художника не мыслю.

Как не мыслю его, да не прозвучит это громкой фразой, без осознания своей человеческой ответственности, гражданственности. Он должен понимать, что театр, кино выполняют важнейшую миссию. Все жизненно важные проблемы отражаются в нашей работе.

стности — и драматургическое решение, и актерский ансамбль, и изобразительный строй, и многое другое.

Интересно бывает не только тогда, когда все нравится, но и тогда, когда ты со многим не согласен, тебе хочется спорить, доказывать свою точку зрения. Я помню, как фильм «Роман о влюбленных» расколол зрителей на два полярных лагеря. Какие дискуссии разворачивались, обсуждения! И это было здорово, значит, наш фильм никого не оставил равнодушным.

— Приходилось ли вам отказываться от каких-то киноролей?

— Приходилось, но только в одном случае: когда я просто физически не мог сниматься. Я отношусь к категории артистов, так сказать, всеядных. Я постоянно убеждаю себя, что потенциально смогу сыграть чуть ли не все: по жанру, по материалу. Бывает, что читаешь сценарий, он не очень «гreet», да и сама роль твоя выписана неважно, но всегда есть надежда, что в процессе нашей работы, коллективной работы — с драматургом, режис-

КЛК "ФИЛЬМ"

27 августа 1919 года Владимир Ильич Ленин подписал Декрет Совнаркома «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата просвещения». Этот день теперь, спустя годы, мы отмечаем как праздник советского кино, праздник искусства, знакомого и любимого нами с детства, искусства огромной воспитательной силы. Поздравляя с праздником всех, кто причастен к нему, а это не только актеры, режиссеры, кинопрокатчики, но и мы, зрители, наш клуб предлагает еще один маршрут в огромный и прекрасный мир кино.

РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ...

Сегодня, когда горьковчане прощаются с Ленинградским театром имени Ленинского комсомола, наш корреспондент беседует с ведущим актером театра, народным артистом РСФСР, лауреатом премии Ленинского комсомола Романом ГРОМАДСКИМ.

вишься. Необходимость таких задач очевидна. Когда ты играешь одну роль несколько лет подряд, то требования к ней меняются, как меняется само время. А зритель каждый день разный, он видит спектакль в первый раз, а значит, должен чувствовать, что и ты на сцене первый раз. Так что тут уж не до уверенности, тем более стопроцентной.

— Признаться, несколько неожиданно было увидеть вас в музыкальном спектакле «Необычные приключения...». Во-первых, сам жанр, во-вторых, роль, необычное для вас амплуа...

— Любые отступления от привычного всегда радостны. Я с удовольствием, к примеру, вспоминаю работу над ролью в телефильме «Открытая книга», где мне удалось «уйти» в неуклюжесть, в юмор. То же самое и с Ливеровским в «Пароходе». Там я демонстрирую свои вокальные возможности, о существовании которых раньше догадывался с трудом.

Как говорит Нина Заречная в «Чайке», самое главное для актера не аплодисменты, не слава, не внимание, а терпение и еще раз терпение. Потому что наиболее интересное, хочется в это верить, впереди.

— Роман Борисович, не кажется ли вам, что актерское дело лишается некоего своего ореола, что ли, с него срывается покров тайны. Слэшком часто зритель с помощью кино и телевидения знакомится с технологией «киночудес», трюков, совершает путешествия в мир кулис, сами актеры охотно делятся своими секретами.

— Конечно, тайна в нашем деле необходима, как, впрочем, и в любом другом. Я помню фильм «Пятеро с неба», где мой герой разведчик «прыгал» ночью с парашютом. После просмотра мой сын с горящими глазами спрашивает: «Папа, скажи, страшно было с парашютом-то прыгать?» А я, не подумав, отвечаю: «Сынок, какой самолет, какие парашюты? Стоял макет в павильоне, а мы с полутораметровой высоты прыгнули, да и дело с концом. Это все техника». Я смотрю, у сынишки взор-то и потух, совсем парень расстроился. В общем, разоблачение тайн — неблагоприятное занятие. А с другой стороны,

Сейчас мы репетируем пьесу американского драматурга Э. Манна «Суд над судьейми». Более 20 лет назад режиссер С. Крамер поставил по одноименному сценарию известный фильм «Нюрнбергский процесс». Актуальность этой вещи, на наш взгляд, трудно переоценить. Во многих точках планеты сейчас происходят так называемые «малые» конфликты — политические, военные, которые только на первый взгляд не имеют отношения к нашему личному существованию. В спектакле речь пойдет не собственно о фашизме, а о том, что в нашем сложном сегодняшнем мире человек не должен равнодушно проходить мимо любых проявлений насилия и жестокости.

— Роман Борисович, ритм вашей жизни чрезвычайно напряжен: съемки, спектакли, репетиции, концерты, радио, телевидение. Конечно, устаете, постоянно не хватает времени...

— Безусловно, устаю, но устаю от работы, а значит, все нормально. Куда тяжелее переносить ничегонеделанье. Актерский аппарат нуждается в постоянном тренинге, без него просто нельзя.

Жаль, что из-за дефицита времени смотришь далеко не все, что хотелось бы, хотя, конечно, стараюсь не пропускать спектакли Товстоногова, Эфроса, все то, что ставится в МХАТе в последние годы...

— А кто «ваши» режиссеры в кино?

— Меня привлекают фильмы Никиты Михалкова. Этот режиссер вносит в кино мощный творческий репетиционный процесс, тщательный выстроенный подготовительный период. Крайне любопытен предлагаемый им актеру такой театральный способ существования. По-моему, это обогащает наш кинематограф.

— Роман Борисович, как вы понимаете это определение — «интересный фильм». Чем он должен быть для вас интересен — режиссурой, актерскими работами, темой?

— Вряд ли имеет смысл выделять какой-либо компонент. В художественно полноценном произведении все должно быть соединено воедино, в органической цело-

сером, партнерами — мы сможем что-то сделать, что-то изменить. Наверное, кому-то эта позиция кажется уязвимой, но я говорю, как есть.

— Что более всего вы цените в партнере?

— Доброжелательность. Когда ты работаешь с актером, играющим даже твоего оппонента, противника, и чувствуешь в его взгляде теплоту, искренность, доброе к тебе отношение, это очень важно.

— Вы долго работаете в театре, в который, возможно, чаще, чем в другие, приходит молодой зритель. Изменился ли он в последние годы, как вы считаете?

— Без сомнения. Он стал, если хотите, мобильнее, несомненно, эрудированнее. Театр должен учитывать запросы молодых, в частности, их потребности в ярких музыкальных зрелищах. Бывает, иногда слышу какие-то не очень одобрительные высказывания в адрес современной молодежи в целом — тогда всегда вспоминаю слова писателя Носова: «Государство сильно и богато своей молодежью». А наше государство богато и сильно, и потому упреки эти не имеют под собой реальной почвы.

— Роман Борисович, принято считать, что в вашем труде чувство юмора играет особую роль. Это действительно так, оно всегда помогает?

— Всегда, за исключением тех случаев, когда направлено «в боль», во зло, но это, к счастью, бывает редко.

— Что бы вы хотели пожелать своим коллегам — артистам, работающим в кино, накануне праздника кинематографистов?

— Чтобы оригинально ответить на этот вопрос, наверное, нужно незаурядное чувство юмора. Что я могу пожелать? Конечно, работать, работать и снова работать, интересно, творчески, принося радость зрителю.

И еще хочу пожелать — коллегам, читателям «Ленинской смены», всем нам, чтобы наш труд был мирным, чтобы мы жили в мире, долгом, бесконечно долгом мире.

Мне, в свою очередь, тоже захотелось пожелать этому большому, сильному и красивому человеку — удачи, творческой радости и еще много всего хорошего, я занудся, подбирая слова, а мой собеседник уже шел вместе с другими актерами к залу, где буквально через минуту должна была начаться репетиция, — чтобы заняться обычным своим делом.

Он шел работать.

Беседу вел А. БЛУДЫШЕВ.
НА СНИМКЕ: кадр из фильма «Вечерний вариант».